

Школа становится все менее интегративной

Роман ДИМЕНШТЕЙН,

председатель правления благотворительного общества
«Центр лечебной педагогики»

Говоря о влиянии школы на здоровье учащихся, необходимо иметь в виду три основных фактора: *система отношений в школе, содержание образования и способы преподавания*. Первый фактор представляется мне наиболее значимым: он берет на себя половину всех влияний. Особенно система отношений важна в младших классах; затем постепенно нарастает роль предметного и методического факторов.

К сожалению, в настоящее время отношения внутри школьного сообщества в большинстве учебных заведений оставляют желать лучшего. Нередко они трансформируются в некую казарменно-дискриминационную конструкцию, которая подавляюще действует на детей. Под разговоры о гуманистической педагогике, личностном подходе, вариативности в образовании реальная практика многих школ развивается в диаметрально противоположном направлении. Основным педагогическим инструментом становится психологическое давление на ребенка, которое подчас приводит к серьезным психосоматическим проблемам.

В Центр лечебной педагогики постоянно приводят детей, в буквальном смысле слова травмированных учителями. Естественно, морально, а не физически. Но последствия систематического унижения, публичного подчеркивания действительных или мнимых недостатков ребенка гораздо труднее нейтрализовать, нежели последствия синяков и ушибов.

Известным детским психиатром не так давно был описан случай, когда вполне преуспевающую девочку, отличницу, за что-то невзлюбила учительница. Придравшись всего к одной особенности: она медленно писала. Учительница не кричала, не била линейкой по рукам – только постоянно указывала на единственный недостаток. Сперва у девочки начала снижаться успеваемость по этому предмету, потом по остальным; отказ идти в школу стал выражаться в невротически обусловленных заболеваниях... Все закончилось настоящим психозом, после которого ребенок попал в больницу. Нельзя исключить, что последствия этого психоза будут давать о себе знать на протяжении всей ее жизни... А учительница до сих пор работает в той же школе, и к ней нет никаких претензий. Наиболее же типичная реакция коллег на этот случай – педагог ни в чем не виноват, просто девочка была изначально расположена к психозу!

Как ни печально, здесь мы имеем дело не с единичным, из ряда вон выходящим эпизодом. Описанный случай указывает на весьма тревожную тенденцию. У нашего поколения отношения с учителем, как правило, предполагали эмоциональную окрашенность, доверительность, не сводились к простому учебному взаимодействию. А сейчас родителям все чаще приходится слышать от педагогов: если у вашего ребенка есть какие-то проблемы – пожалуйста, к психологу. Учитель-предметник за душу ребенка вроде бы и не отвечает, душой у нас заведует психолог...

Вред здоровью – и знаниям, это параллельный процесс! – происходит оттого, что *снижается педагогическая квалификация учителей*. Когда я учился в школе, в моем классе обучались дети, которых сейчас не возьмут даже в коррекционный класс! А раньше эти ребята кончали десятилетки, получали обычные аттестаты, находили свое место в жизни... **Степень интегративности**

школы постоянно снижается, она вытесняет все большее количество детей. Сейчас никто не будет держаться даже за ребенка, который обладает феноменальными способностями, но имеет какие-то поведенческие особенности. Недавно к нам в Центр пришла мама, сына которой не хотят держать даже в дорогой частной школе – при том что он в свои семь лет пишет компьютерные программы на уровне старшеклассников. Беда в том, что этот ребенок не выносит, когда его жестко заставляют что-то делать, может даже броситься с кулаками на взрослого человека, который его обидел. Школа квалифицирует такое поведение как приступ, припадок и рекомендует лечиться у врача. Хотя с точки зрения психолога очень легко организовать обучение этого ребенка так, чтобы не допускать никаких эксцессов. Но школа не понимает, почему она должна приспосабливаться к особенностям какого-то ученика...

Этот процесс растущей дезинтегративности нашего образования сталкивается с противоположным процессом. В школы приходят все больше детей с мелкими функциональными нарушениями центральной нервной системы: особенностями восприятия, темпа и другими шероховатостями развития. Эти нарушения можно либо аккуратно пригладить, либо, наоборот, зацепить. Очевидно, в понятие педагогической квалификации должно входить умение чувствовать ребенка, его особенности, учитывать их в организации учебного процесса. Система образования должна была бы усложняться вместе с усложнением детской популяции. А она, наоборот, огрубляется, если видит какую-то зацепку – начинает врезаться именно в это. Словно со специальной целью: зацепиться и выкинуть.

На деградирующую систему педагогических отношений накладывается чудовищная *перенасыщенность образовательных программ*. Мощный поток формализованного, не связанного с системой жизненных представлений ребенка учебного материала часто «сносит» те структуры и взаимосвязи, которые выстраиваются в детском сознании, превращая его в «информационную помойку». Система образования все больше напоминает рыбацкую сеть: сильная рыба прорвет и уйдет, а слабая запутается и погибнет. Общеизвестно, что ситуация успеха, пусть и в условиях значительного физического и интеллектуального напряжения, благотворно сказывается на здоровье. И наоборот, постоянный неуспех вызывает «синдром обученной беспомощности» и крайне вредно влияет на него.

Есть ли в наших программах и методиках хоть минимальная ориентация на психофизиологию? Если у ребенка доминантное зрение – он выйдет из школы грамотным, а если доминантный слух? А как давать информацию левше или «правополушарному» (ориентированному на образное восприятие) ребенку? Много ли учителей знают хотя бы про такие особенности – не индивидуальные, а типологические? И многие ли учитывают это на практике?

Если о таких вещах не думать, сам процесс образования становится небезопасным. Чтобы нормально чувствовать себя в большом мире, надо в нем разбираться! А школа выпускает значительное число людей, для которых окружающий мир неясен, непрозрачен. Маленьких детей пугает пылесос, который гудит и непонятно как устроен – у многих взрослых место пылесоса занимает социальная реальность, от которой они не знают чего ожидать. А как потребовать иного от учителей, если у многих из них самих нет системы знаний? Через них прокатили некоторое количество учебников, вариативных программ, методических подходов и технологий, сменяющих друг друга требований, да еще заставили преподавать в том ключе, который сам учитель не

принимает или не понимает... Если между учителем и детьми лежит неадекватный учебник или педагогическая технология – здесь predeterminedены очень тяжелые отношения!

Пути решения проблемы, в общем-то, вполне очевидны. Здоровье детей в школе будут сберегать учителя, которым за хорошую работу будут платить хорошие деньги, позволяющие достойно содержать семью. Такие педагоги будут чутки и интуитивны, будут уважать и себя, и учеников, их человеческое достоинство. Они найдут качественные программы и учебники, выберут адекватные технологии преподавания, договорятся с коллегами о соблюдении межпредметных связей...

Уже сейчас, не дожидаясь светлого будущего, государству действительно нет на это денег. Но ему вполне по силам учредить фонд, из которого будут выплачивать значимые надбавки учителям, согласившимся держать у себя в классе детей с различными особенностями развития – в том числе одаренных. При этом фонде должны работать квалифицированные специалисты, которые смогут организовать качественную подготовку учителей в данной области. Таким образом будет создана *система адресной поддержки учителей, которые собираются решать более сложные педагогические задачи.*

Начать надо с определения, что есть квалификация учителя с государственной точки зрения. *Квалификация должна определяться через интеграционные понятия:* учитель умеет работать с классом, в котором есть дети со следующими особенностями. Затем надо систематически поддерживать эту квалификацию: зарплатой, дополнительными отпусками, стажировками... Может быть, учредить своего рода «школьную профессуру», в которую войдут специалисты, способные действительно дифференцированно подходить к детям. Это должно быть престижно!

Параллельно необходимо выстраивать новую систему психолого-педагогической поддержки учебного процесса. Сегодняшняя модель школьной психологической службы неэффективна. В ситуации, когда психолог административно подчинен только директору, у него во многом связаны руки. Типичный пример: в школе создают коррекционный класс, который тут же получает статус «класса дураков», а психолог помогает отобрать туда детей, фактически становясь соучастником педагогического преступления.

Гораздо более эффективная модель – *специализированные психологические центры*, каждый из которых сопровождает некоторое количество школ. Школьный психолог – это «интерфейсный» специалист, выступающий в роли мостика между такой реабилитационно-психологической структурой и собственно учебным заведением. Он решает, в какой ситуации целесообразно привлечь в школу для консультации сотрудников психологического центра, а в какой лучше конкретного ребенка или группу детей отправить в центр для оказания помощи.